

НИКОЛАЙ ТОБОШ

МАНАС

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО СЫНА ТЕНГРИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Николай Тобош

**Манас. Рождение и детство
сына Тенгри. Книга первая**

«Литео»

2018

УДК 82/821
ББК 84

Тобош Н.

Манас. Рождение и детство сына Тенгри. Книга первая /
Н. Тобош — «Литео», 2018

ISBN 978-5-00071-983-1

Произведение является прозаическим переложением народного эпоса «Манас». События, описанные в книге, по утверждению профессоров М. О. Ауэзова и А. Н. Бернштам, происходили в VII–IX веках нашей эры. Кыргызы изгнаны из своих родных земель, разделены на отдельные части и оказались на чужбине, терпят притеснения со стороны жунгарских и калмыцких завоевателей. Объединение разбросанного народа и возвращение в родные земли становятся заветной мечтой каждого кыргыза. Они ждут появления среди них богатыря, который мог бы объединить народ и противостоять гнету захватчиков, чтобы вернуться в родные земли. В произведении описывается рождение и детство такого богатыря с именем Манас.

УДК 82/821

ББК 84

ISBN 978-5-00071-983-1

© Тобош Н., 2018

© Литео, 2018

Содержание

Заветная мечта Жакыпа	6
Рождение Сына Тенгри	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Тобош

Манас. Рождение и детство сына Тенгри. Книга первая

© Тобош Н., 2018

© ООО «Литео», 2018

* * *

Посвящается светлой памяти Ашыма Жакыпбекова

*Сказанье древней старины
Живет сегодня, в наши дни.
Рассказ без края и конца
Народ кыргызский создавал,
В наследство сыну от отца
Из уст в уста передавал.*

Мар Байджиев

Заветная мечта Жакыпа

Бай Жакып с тяжелым сердцем освободил поводья от столба-коновязи и оседлал своего коня по кличке Туучунак.

Сидел бы в юртах своих жен, если бы они родили ему детей. Занимался бы ими, как и всякий родитель, обучая разным ремеслам, традициям и обычаям своего народа. Но Синее Небо – Тенгир не дал ему вдоволь насладиться детским смехом, их шалостями и чувством гордости за свое потомство. Юрты двух жен до сих пор пусты и не освещены таким счастьем. Будто он прогневил Тенгри. По утрам лихорадочно искал в мыслях и воспоминаниях о прошлом поступки, которые могли стать причиной недовольства Создателя, наказавшего бездетностью, обрекая его носить оскорбительное прозвище «куубаш», бытовавшее в народе.

Вскочив на коня, бай Жакып направился в сторону пастбищ, где паслись его бесчисленные отары овец, табуны лошадей и стада коров и верблюдов. Все это было нажито за долгие годы в изгнании из родных мест, предгорий Ала-Тоо. Он стал самым богатым человеком среди кыргызов, населяющих эти земли, благодаря своей скупости и своему отцу Орозду-баатыру. И Тенгри был благосклонен. Поэтому к его имени прилепилось гордое название «бай». Каждый день бай Жакып уезжает на своем Туучунаке то на охоту, то на проверку своего скота или просто бродить по горам и степям. Не может он оставаться дома, где свирепствует пустота, доказывая справедливость прицепившейся клички «куубаш». Изнутри гложет что-то неизвестное, как собака подброшенную кость. Сердце ноет, будто настигает его неминуемый конец, отодвигая его от своей мечты, от возвращения в родные края. Вот и сегодня с утра овладела его душой тоска, сжимала грудь обида, заставляя разрыдаться, чтобы обрести хоть немного покоя. Еле сдерживая слезы, бай Жакып дал волю своему коню Туучунаку, чтобы придаться вновь воспоминаниям...

Жакып был самым старшим из десяти сыновей Орозду-баатыра. Умер баатыр в то время, когда Жакыпу исполнилось всего пятнадцать лет; младшим – Жамгырчы – тринадцать, Улаккану – десять и дальше Текечи, Усен, Шыгай и остальные малолетнего возраста. Были среди них и близнецы.

При жизни Орозду-баатыр проводил летнее время, кочуя по просторам от берегов Енисея до благодатной земли Минсуу, где он владел огромным земельным пространством, ограниченным с юга низовьями Ала-Тоо с долиной Талас, куда возвращался осенью, чтобы зимовать в орде, в ставке своего ханства.

Орозду-баатыр был сыном хана Ногой Баба, от которого унаследовал ханство с огромным богатством и владения, а также получил совет женить сына Жакыпа на дочери хана енисейских кыргызов Чыйыр-бия. Самое главное, что получил Орозду-баатыр от своего отца, была тайна священного ручья Мурек-Башат, который вырывался из низа скалистой горы и исчезал среди корней древнейшей арчи. Ногой Баба рассказал Орозду-баатыру, что Вечное Небо острием своего священного луча прикоснулось к этому Мурек-Башату, освящая его воду на все времена. Мурек-Башат находился в северных оконечностях озера Алтын-Куль. В соответствии с завещанием отца Орозду-баатыр успел женить четырнадцатилетнего сына Жакыпа на дочери Чыйыр-бия по имени Шакан, которую ногойцы называли «дочь Чыйыра» и впоследствии она стала носить имя Чыйырды.

В то время жунгары, манжу, калмыки во главе с ханами Алооке и Молто, совершая набеги, постепенно овладевали всеми землями Ала-Тоо, истребляя мелкие племена кыргызов. Их нашествие началось с юга на землях Самаркана и Анжияна, где обосновались племена нойгутов во главе с Акбалта. Нойгуты не могли противостоять многочисленным войскам жунгаров, калмыков и манжу. Акбалта со своими верными семидесятью тютюнами нойгутов вырвался из осады и бежал в сторону Таласа. Остальные стали добычей калмыцких и манжуй-

ских грабителей. Нажитое добро кыргызских племен и народов земли Анжияна и Самаркана перешло во владения Алооке-хана и Молто-хана.

Весть о смерти Орозду-баатыра дошла и до них с быстротой молнии. Они прекрасно понимали, что во главе ногойцев не стало баатыра, который мог бы оказать достойное сопротивление набегам грабителей, и теперь ногойцы – легкая добыча для ханов Алооке и Молто, спешно повернувших своих коней в сторону Таласа, вслед за Акбалтой.

Как гром среди ясного неба пришла беда к ногойцам, во главе которых стал молодой Жакып, не сумевший оказать отпор грабителям Алооке хана и Молто хана. Кроважадные головорезы зарубили всех способных к сопротивлению. Оставили в живых одних немощных стариков, женщин и малолетних детей. Молодых женщин и девушек увели как трофей. Сожгли юрты и целые селения кыргызов. Забрали все, что попадалась на глаза. Скот угнали. Учинили погром орды, растащили всю казну. Пал Синий Стяг кыргызов, устремленный в Синее Вечное Небо от вершины горы Кароол Чоку.

Вся долина пропахла кровью и пеплом. Пространство между землей и небом заполнилось гарью и пылью.

Жунгарские монахи уничтожили письменность, предав ее памятники огню. На месте орды осталась одна зола. Вероломно пообещав, что оставляют в живых грамотных, собрали их вместе и порубили. «Грамотой должен обладать только один народ на земле», – такова была установка врагов кыргызского народа.

Перед прибывшими, в бегах от Алооке-хана, семидесяти тютюнами нойгутов и семнадцатилетним Акбалта, предстал ужасный вид безжалостного разбоя сородичей в Таласе, учиненного грабителями. Оказав поддержку уцелевшей части ногойцев, Акбалта встретился с родственником Орозду-баатыра, старцем по имени Бай и десятью сиротами во главе с Жакыпом. Собрав остатки малочисленного народа, решили разместиться в предгорьях, рядом с болотистыми лугами Уйрилме, что на стороне горного перевала. Горькую обиду от бессилия перед грабителями им пришлось похоронить в себе, и она как яд жгла изнутри, заставляя кровоточить сердца. В сознании у каждого возник вопрос: «Что дальше?»

Акбалта со старцем Баем и сиротами Орозду-баатыра во главе с Жакыпом стали советовать, как жить, куда кочевать, как сохранить уцелевший народ.

– Алооке-хан и Молто-хан опередили меня, – с сожалением сказал Акбалта. – Не успел я предупредить вас об их набеге. Мой народ тоже ими разбит врасплох. С уцелевшими нойгутами я бежал к вам.

– Как мы можем терпеть гнет жунгаров, калмыков и манжу, – огрызнулся Жамгырчы. – Тех, кто гнули спину перед нашими предками. Лучше смерть, чем такой позор. Давайте сражаться с ними до последнего.

– Лучше отдать то, что они будут требовать, – возразил Жакып. – Только так мы можем сохранить оставшийся народ от истребления.

– Прав Жамгырчы, – горячился Акбалта, сгорая от злости на врага, напавшего врасплох и заставившего вкусить горечь поражения, претерпеть грабеж и гибель соплеменников. – Я хотел плечом к плечу с вами пойти в бой. Поэтому бежал к вам. Нужно дать врагу достойный отпор!

– Дети мои, Жакып прав, – сказал старец Бай, брат Орозду-хана. – Наша главная задача – уберечь народ от полного уничтожения. Соберите выживших, видимо, нашедших укрытие в объятиях наших гор. Пусть люди наденут траурную одежду в знак примирения со своей судьбой. Пусть и женщины, и мужчины на головных уборах носят знаки траура. В этом случае враг не посмеет тронуть нас, почитая древние традиции кочевых народов.

Юноши во главе с Акбалтой вынуждены были слушаться мудрого Бая. Действительно, народ скрылся в горах, спасаясь от настигавшей смерти, прятался среди кустов, между хребтами, в пещерах. Следуя советам Бая, народ надел траурную одежду, головные уборы венчали знаки в виде повязок из черных, синих и красных полос тканей. Лазутчики врага, которые

рыскали по земле кыргызов, собирая сведения об их действиях, немедленно донесли это до Алооке-хана и Молто-хана.

Довольные легкой победой над кыргызами, многочисленными трофеями, Алооке-хан и Молто-хан принялись переправлять награбленное, казну Орозду-баатыра, своему предводителю Эсенкану. С огромным количеством золотых и серебряных изделий, изумрудом, янтарем и многими другими драгоценными камнями. Набрался груз на караван из ста девяносто верблюдов. В сопровождение караванщикам для их охраны выделили из числа жайсанов-воинов восемьдесят вооруженных бойцов.

Для кыргызов во главе с Баем, Акбалтой и Жакыпом с братьями это событие стало последней каплей в чаше терпения. Горевшие желанием дать отпор врагу Акбалта и Жамгырчы уговорили Бая и Жакыпа на худой конец отбить свое добро, уничтожив весь караван.

В спешном порядке они собрали дружину из шестидесяти джигитов, способных и обученных к боевым действиям в любых сложных условиях. Вооружившись самыми лучшими мечами, копьями и луками с колчанами стрел, дружинники подобрали себе самых притких коней из числа уцелевших после нападения неприятеля.

На заре, когда караван собрался в дальний путь, дружина внезапно напала на него, не оставляя никаких надежд на спасение и караванщикам, и охранникам – все они были зарезаны, кроме одного, который спрятался среди убитых, притворяясь мертвым.

Возвращенное добро было роздано кыргызам, каждому тютюну по одной горсти драгоценностей.

Один боец, который выжил, притворившись мертвым, прискакал в ставку Алооке-хана и сообщил, что караван подвергся нападению и уничтожен полностью. Груз, предназначенный для Эсенкана в качестве дара, схвачен и увезен нападавшими.

Такая невероятно плохая весть для Алооке стала как иголка, ранившая его в самое сердце. С яростью он вскочил со своего трона и что есть мочи закричал:

– Кто-о-о напал на караван!?

Такой наглости со стороны кого-либо он в жизни не испытывал. Под носом. Зная, что здесь лютует Алооке. Какая наглость!

– Т-т-таксыр, – боец попятился назад, лепеча и приседая на колени. – Мне показалось, что они кыргызы.

В правой руке Алооке блеснул кривой меч и отсек голову бойца. Она покатилась с открытым ртом и просящими милости глазами.

Алооке велел срочно собрать когорту гадалок и ясновидящих, которые сопровождали его во время походов, и приказал узнать, кто напал на караван.

Через некоторое время старший когорты, старик с длинной бородой по имени Ран-Кудик промолвил:

– Мой хан! Боец твой правду сказал. Драгоценностями завладели сыновья Орозду-баатыра.

Кровожадный Алооке-хан еще более рассвирепел.

– Весь бурут будет высечен, – в глазах у него промелькнули горы трупов, охваченных пламенем. Войско его, как лавина, наступало на аул за аулом, вырезая жителей.

Бай подумал: «Так он в живых никого не оставит», – и решился на отчаянный шаг. Прискакал прямо к Алооке.

– Хан Алооке! Народу моему – пощады! Моя земля – теперь твоя! Мой кыргызский народ теперь твой народ! Только прошу не убивать! Жертву хочешь – вот моя голова! Прошу, не трогай людей!

Бай склонил голову перед Алооке-ханом и накинул на свою шею ремень. Алооке знал, что этот человек является братом кровного врага Орозду-баатыра. Значит, он заменяет сейчас

Орозду-баатыра, стоит во главе кыргызов. Но что за чудеса, в жизни не встречал таких людей, которые отдавали свои головы на отсечение ради сохранения своего народа.

Алооке-хан остановил войско. Обратился к нему находившийся рядом Молто-хан:

– Алооке! Нужна рабыня, чтобы разжечь огонь! Нужен раб, чтобы содержать скотину! Нужен народ, чтобы обложить данью!

Все верно. Целью похода является именно это. Захватить больше земли и поработить народ, чтобы владения Эсенкана стали обширными и богатыми.

Как поступить с этим Баем, готовым расстаться с головой ради теперь уже принадлежавшего Алооке народа, с которым он может сделать что угодно.

Алооке никогда не убивал плененных глав разных племен и родов. Смерть – это легкое наказание. Он считал, что, находясь в неволе, они наказывают себя тем, что мучаются от мысли никчемности своего существования. Но этот народ опасный и бунтарский. С ними надо поступить иначе. Их необходимо разделить и раскидать по всей земле, по всему свету. Таким образом, десять сыновей Орозду-баатыра разбрелись из Таласа по десяти направлениям. Текечи и Шыгай были изгнаны с малой частью ногойцев, через афган, в просторы Эрена. С еще одной частью ногойцев Жамгырчы подался в пустынные степи в направлении Анжиян – Самаркан и далее. Прогнали Усена и Кызылбека и его людей на север Бейджина. Брата Орозду-баатыра Бая прогнали в сторону Кашгара. На долю Акбалты и Жакыпа выпало Алтайское направление. Им выделили ногойцев с сорока тютюнами, шесть волов и четырех мулов для перевозки груза, шесть коз и трех коров для обеспечения детей молоком. Их сопровождал конвой из жайсанов-воинов...

Путая мысли бая Жакыпа, Туучунак ускорил свою ходьбу, вскидывая голову, затем громко заржал, будто приветствуя кого-то. Послышался лай собак и ржание лошадей, словно отвечающих ему.

Была близка стоянка скотников Жакыпа. Глава пастухов овец Ошпур, глава табунщиков Кубат, глава пастухов верблюдов Сарбан и глава пастухов коров Тургун рассказали по очереди, что со скотиной все в порядке. Охрану животных производят на должном уровне. Волков и других хищных зверей на землю пастбищ близко не подпускают. Грабителям и вора́м дают достойный отпор. Жакып остался довольным и повернул Туучунака обратно.

Несмотря на хорошие новости о состоянии своих владений настроение у Жакыпа не улучшилось, а наоборот испортилось еще больше. «Для кого все это богатство, – думал он, – если Тенгир призовет его к себе, кому все достанется? Конечно соседние племена калмыков и манжу с радостью приберут все к своим рукам. Они, наверное, итак с нетерпением ждут, когда он, Жакып, шагнет в иной мир. Лучше раздать своему народу, как поступили ранее с драгоценностями. Каждому тютюну по отаре овец, несколько лошадей и коров».

Вот уже более тридцати лет он со своим народом находится в изгнании на чужбине и не имеет никаких вестей от братьев. Рядом нет родных, которые после его смерти могли бы придать останки земле.

Обида на судьбу с новой силой хлынула в его сознание. Он был не в силах удержать слез. По щекам потекли ручьи, облегчая тяжесть на душе и омывая густую седую бороду бая Жакыпа. Он даже не заметил ехавшего навстречу всадника. Очнулся, когда его окликнули:

– Бай отец, почему вы плачете?

Это был одиннадцатилетний Мендибай, сын погибшего аулчанина. Увидев его, бай Жакып еще больше расстроился. «О-о, Тенгир! Кому-то даришь детей! Почему, почему меня обделил таким счастьем?!». Отчаянный крик души Жакыпа должен быть услышан Тенгиром. Возведя обе руки вверх, он смотрел в Вечное Синее Небо. «О-о, мой Тенгир! Пусть продолжится род Орозду-баатыра по линии Жакыпа!». Он истово просил Тенгри, чтобы он подарил хотя бы одного сына, продолжателя рода и будущего обладателя богатого наследства.

Он еще раз взмолился: «О-о, Вечное Синее Небо! Мне уже сорок восемь лет! Силы мои иссякают! Не жалей для меня крошечного малыша!»

Показались юрты, в которых жили его жены. Он почувствовал злость к ним. Да, это они виноваты в том, что у него нет детей. Не могут они подарить ему счастье отцовства. «Может быть, пока не поздно, поставить третью юрту?»

Бай Жакып спешился у жилища старшей жены Чыйырды. Не стал он привязывать Туучунак к коновязи. Это обязанность младшей жены Бакдоолет. Почему-то ее не было видно, что еще сильнее обозлило его. Выскочила из юрты старшая жена Чыйырды и увидела рассерженного Жакыпа.

– Что стряслось, мой бай? – Чыйырды хотела успокоить мужа. – Все ли в порядке со скотиной?

– На что мне скотина! – прикрикнул бай Жакып на жену. – Для кого я преумножаю богатства?!

Чыйырды поняла, что творится в душе мужа. Он опять обвиняет жену за кличку «куубаш».

– Я уже старая, чтобы родить детей, – она тоже не отстала от мужа и сердито продолжила: – А твоя молодая токал что думает?

Встревоженная шумом, выскочила из своей юрты Бакдоолет и не стерпела упрека:

– Ваше бесплодие, сестрица, – язвительно сказала она, обращаясь к Чыйырды, – передалось и мне.

Жакып махнул рукой и юркнул в юрту Чыйырды. Расположившись на олпоке, прислонив голову к подушке, вскоре он заснул крепким сном.

Бакдоолет тоже вошла в свою юрту. От обиды Чыйырды захотелось провалиться сквозь землю. Никогда раньше Бакдоолет не смела перечить ее словам. Видимо очень сильно огорчилась от упрека Чыйырды. Она назвала ее бесплодной. Да, она сама виновата во всем. «О-о, Создатель, почему ты меня сделал бесплодной!»

Впервые открыто ее назвали бесплодной. Горькая правда жгла ее грудь. Слезы обиды покатались из глаз. Обессилев от переживаний, она зарыдала и упала ничком на олпок в юрте, на противоположной стороне от Жакыпа...

Солнечные лучи, проникая через тундук юрты, освещали тело Чыйырды. Она осмотрела себя. Начиная с головы, лучи солнца, обжигая грудь, проникали в тело, даря истому. Старик с белой бородой подал Чыйырды огромное яблоко и сказал: «На, съешь яблоко, из твоего тела выйдет дракон. Оседлай его, как коня». Чыйырды съела яблоко. Она чувствовала и видела, как наполняется живот. Вдруг из-под полов платья вышел огромный огнедышащий дракон с душераздирающим свистом...

От испуга проснулась Чыйырды. С трепетом и дрожью она огляделась вокруг, сердце ее билось учащенно, и биение его чувствовалось даже в висках. На противоположной стороне юрты со свистом храпел Жакып.

Она трижды поклонилась Тенгри.

Снаружи послышался шум, что вынудило Чыйырды выйти из юрты. Ругалась соседка Бегимжан, мать Мендибая. Оказалось, что Туучунак, почувствовав свободу, побрел по сопкам в сторону густого леса. А Мендибай, увидев Туучунака издали, на своем третьяке помчался за ним, чтобы привести и привязать к коновязи.

– Где мой Мендибай?! – бранилась Бегимжан. – Уже ночь, а его до сих пор нет. Он поехал за вашим конем.

– Потерпи, Бегимжан, – пыталась ее успокоить Чыйырды.

– Он уже большой. Самостоятельный парень. Вернется целым и невредимым.

– Что ты говоришь, Чыйырды?! – уже кричала Бегимжан.

– Кругом одни грабители, хищные звери. Если что случится с моим ребенком, кто ответит? Разбуди своего мужа. Пусть ищет.

– Разбужу, – согласилась Чыйырды. – Но и ты угомонись. Что шумишь на весь аул!

– Разве вы сможете понять меня, – сказала Бегимжан со слезами в глазах. – Бесплодные куубашы.

Она отвернулась от Чыйырды и побрела к себе домой, покачиваясь с боку на бок. Последние слова Бегимжан, как стрелы, вонзились в самое больное место Чыйырды, в самое сердце. Правда глаза колет. Она ничем не могла ответить на язвительные слова Бегимжан. Обида и злость овладели всем ее разумом и направили ее к Жакыпу. Она еле разбудила его.

Пришлось приложить немало усилий, встряхивая его голову, чтобы он очнулся от сна.

– Что случилось?! – спросил он спросонья.

Будоражившая ее обида заставила пролить слезы. Сквозь всхлипы Чыйырды объяснила ему, что Мендибай уехал за Туучунаком и до сих пор не вернулся. Вот и пришла Бегимжан, шумела, даже оскорбила, назвав ее бесплодной.

– Успокойся, Чыйырды, – сказал Жакып, улыбаясь. – Найду я его, не волнуйся. Только спозаранку. Сейчас глубокая ночь. Я видел чудный сон. Послушай.

Жакып сел поудобнее. Чыйырды, вспоминая свой сон, приготовилась послушать чудный сон мужа, как назвал его Жакып.

– Поймал я во сне, – начал рассказывать свой сон Жакып, – грозного сокола с клювом, как кортик острым, с железными когтями, золотистыми мягкими перьями на ногах, а перья с головы до хвоста белее белого. Привязав путлищу из шелка к ногам, кормил его под лучами солнца и луны. Когда опустил его на постамент, рядом подсел еще один сокол с пестрыми перьями на шее.

– Будет благоденствие Тенгри по отношению к нам, – обрадовалась Чыйырды и в свою очередь рассказала свой сон Жакыпу.

Жакып удивился тому, что в одно и то же время снились обоим дивные сны.

– О-о, Тенгир! – возвел руки он к небу. – Благоволи, чтобы наши сны оказались вещими!

– Надо принести в жертву сорок, пятьдесят животных для Тенгри! – посоветовала Чыйырды. – От народа получим благословение.

Жакыпу от совета Чыйырды стало не по себе. Добытое непосильным трудом добро за долгие годы скитаний на чужбине показалось дороже вещей снов. От дневных размышлений не осталось и следа.

– Что ты говоришь, Чыйырды! – возмутился он. – Будто ты уже беременная! Будто даром пришла скотина!

Он выскочил из юрты, чтобы организовать поиски Мендибая. Уже рассвело. Он направился к юрте Бакдоолет, чтобы отправить ее к соседям попросить коня для поездки за Мендибаем.

– Ай, ата! Ты потерял разум!

Голос мальчишки был слышен отчетливо. Вокруг никого не было. Жакып остолбенел от неожиданности. Это знак. Тенгир не доволен. Надо было слушаться Чыйырды.

«Неправильно даже то, что я хочу отправить Бакдоолет за конем», – подумал Жакып и повернул в сторону соседа.

– Мой бай! – голос Бакдоолет остановил его.

Бакдоолет подошла к нему и говорит:

– Мой бай! Мне приснился хороший сон. Ты во сне моем поймал двух ястребов с медными путлищами. Они были хваткими, все, что ты захотел, они бросали к твоим ногам. Я их посадила в свою юрту. В юрте сестрицы сидел сокол со стальным клювом и медными крыльями. Сестрицу Чыйырды Тенгир тоже не обделил.

Жакып задумался. Все это неспроста. Со вчерашнего вечера Жакыпу и обеим его женам приснились чудесные сны. «Надо пригласить толкователей снов и аксакалов, выполнить жертвоприношение Тенгри», – так решил Жакып.

Попросив у соседа коня, он поскакал в сторону леса, куда, по словам Чыйырды, побрел Туучунак. Но их нигде не было видно. Выкрикивая: «Мендиба-а-ай!» надеялся, что он услышит его голос и отзовется. Но ответа не последовало.

Жакып пересек лесную полосу. Далее проехал по долине Салкындуу и миновал островок Ак-Отек. За островком речка, к которой примыкал крупный лесной массив.

Переpravляясь через речку, Жакып увидел своего Туучунака на опушке леса. На спине лошади красовалась шкура тигра, будто конское покрывало. Схватив за поводок Туучунака, Жакып огляделся вокруг. Мендибая не было видно. Только теперь, когда Туучунак нашелся без Мендибая, ему стало чрезмерно страшно. «Да, парня загрыз тигр, и добрый охотник пристрелил хищника. А шкуру тигра постелил на лошадь в качестве виры по Мендибаю». Так думал Жакып. Теперь ему не избежать проклятий в адрес своего рода от Бегимжана.

Вдруг из леса шустро выехал на третьяке с веселым видом Мендибай. У Жакыпа отлегло на сердце. Но для пущей уверенности (а вдруг просто мерещится) спросил:

– Мендибай, это ты?!

– Будьте здоровы, бай отец! Это я – Мендибай.

Мендибай вкратце рассказал, что, увидев Туучунака, который направился в сторону леса, решил привести его обратно. Как только примчался к Туучунаку, из леса выскочили сорок всадников, вооруженные палицами и с боевым кликом «Манас! Ман-ас! Ма-н-а-ас!» отбили у него Туучунака. Они были одного возраста с Мендибаем. Всадники погнали Туучунака в сторону леса. Когда ему оставалось несколько шагов до чащи, неизвестно откуда выскочил огромный тигр и напал на Туучунака, который ударил зверя задними копытами, и в это время палица одного из всадников обрушилась на голову тигра с огромной силой. По мнению Мендибая, тигр не мог погибнуть от удара копыт коня.

Трое из всадников быстро сняли шкуру с убитого тигра и покрыли Туучунака, словно попоной. Один из них, покрывая Туучунака шкурой, заметил: «Оказывается, конь принадлежит нашему отцу Жакыпу. Пусть он вернется к нему с добычей». Второй обратился к Мендибаю: «Мы тебя просто так не отпустим, всю ночь ты будешь у нас в гостях».

У Мендибая не было сил возразить. Всю ночь они играли в лесу. Утром сказали Мендибаю, что они чильтаны, живущие в другом мире, и выпроводили его из леса. Жакыпу казалось, что Мендибай сошел с ума. Или со страха все это ему померещилось в ночи. Очень ему хотелось остаться с таким мнением, но откуда эта попона на Туучунаке из шкуры огромного тигра? Или все это мерещится ему самому?

Отправив Мендибая домой с Туучунаком на привязи, Жакып решил побродить по местности, которая стала для кыргызов родным краем, точно таким же, как Ала-Тоо, второй родиной...

Со связанными руками, ногами, Жакып и Акбалта со своими сорока тютюнами кыргызов, под конвоем жайсанов Алооке хана, без отдыха и сна, днем и ночью, без еды и воды двигались из Таласа в сторону Алтая. Пешими, босыми, с кровоточащими ранами на спинах, полученные от ударов нагаек конвоиров, они шли почти шесть месяцев и шесть дней до места обитания, определенного Алооке ханом для Жакыпа и Акбалта. Брели они по степям, долинам и пустыням. Выдохлись волы, коровы и мулы, которые не могли перенести неимоверную нагрузку. Погибали обессилевшие люди, старики и дети. Они погребены в неизвестных землях, и только холмики земли, никем не приметные, остались от них. Исхудавшие до костей, в оборванной одежде, израненные телом и сердцем люди, наконец, дошли до местности с названием «Ак-талаа». Широкое предгорье, испещренное невысокими холмами и буграми, заросшими камышами болотистыми долинами раскинулось так величаво, что края конца не видно.

Вокруг виднелись лесные полосы, как непроходимые ограды. В каждой ложбине текла речка. Конвоиры сказали, что эта местность определена Алооке-ханом для обживания ссыльным кыргызам, что они должны быть благодарны ему жизнью и через два года будут обложены данью для пополнения казны великого Эсенкана. Они оставили один лук с колчаном стрел и два меча, чтобы переселенцы могли защититься от хищных зверей.

Акбалта с Жакыпом обсудили свои дальнейшие действия, каким образом обживаться на новом месте. Утром отправили троих джигитов ловить рыбу. Детей отправили на поиски раковых шеек, горлец и ревеня. Женщины начали приводить в порядок посуду и прочую утварь. Еще несколько мужчин занялись сбором камыша для устройства из него временных жилищ.

К позднему утру трое джигитов пришли с большим уловом. Дети тоже собрали большой «урожай». Первый раз за шесть месяцев ссыльные кыргызы наелись досыта и были рады тому, что они сейчас свободны и самостоятельны.

Акбалта решил разведать окрестности и направился на север. Склоны предгорья покрыты желтеющей густой ковыль-травой, низовья – полынью; выше видны тальники и березы. Акбалта видел множество кайберен – маралы, олени и одичавший скот здешних калмыцких племен. По следу скота Акбалта нашел калмыцкие поселения и завел с ними знакомство, начав с главы племени. Они были предупреждены, что должны прибыть в эти края изгнанники из далеких земель Ала-Тоо.

Калмыцкое племя тыргоотов, коим были здешние жители, оказалось приветливым, гостеприимным народом с веселым нравом. Горсть драгоценностей, которую носил Акбалта под мышкой в мешочке, доставшаяся ему при дележе отвоьеванного у врага богатства, сильно пригодилась в разговоре с калмыцким главой. Часть драгоценностей он подарил ему, желая расположить к себе, чтобы он помог обменять остальную часть драгоценностей на скот.

Щедрость Акбалты тронула главу племени, он зарезал барана в честь дорогого гостя и угощал от души.

Гостеприимный калмык старался ответить щедрости Акбалты взаимностью. Он сам руководил делами по обмену оставшейся части драгоценностей Акбалты на скотину у своих родичей.

К полудню следующего дня Акбалта прибыл на гнедом коне с лошадьё, пригнал около сотни овец и три коровы в сопровождении троих всадников из жителей тыргоот. Они приехали, чтобы подобрать себе скотников, доярок и работников из числа изгнанников...

Через неделю Акбалта собрался посетить хана Енисейских кыргызов Чыйыр бия, отца Чыйырды-Шакана. Он взял с собой одного помощника, и они отправились в путь к северовостоку...

За тридцать с лишним лет пребывания в изгнании сорок тютюнов кыргызов не только выжили, но и размножались, увеличивая количество тютюнов. Находчивость Акбалты, бережливость Жакыпа из года в год приумножали количество скота на своих пастбищах. Увеличились площади зерновых посевов и объемы добычи ископаемых: железа, золота и серебра. Посевами зерновых и добычей ископаемых местные племена не занимались до прибытия ссыльных кыргызов.

Возвращаясь домой, бай Жакып припомнил всю историю выживания на чужбине своего маленького народа. Да, Тенгир был благосклонен к кыргызам. Иначе они не смогли бы выжить. Но он не дал ему детей. Обделил. За что? Голос мальчишки, услышанный утром, явно на что-то намекал. Голос появился после того, когда он отказал Чыйырды в жертвоприношении перед Тенгри. Точно, Тенгри наказал его за скупость. Однако делает намеки, знаки, что можно все исправить. Ночные чудесные сны, голос мальчишки и появление чильтанов, если Мендибаю они не померещились, говорят о многом. Надо срочно принести скотину в жертву для Тенгри.

Бай Жакып устроил роскошный пир жертвоприношения для исполнения желания. Пригласил на пир свой народ из сорока тютюнов, всех аксакалов из соседних народов: казахов,

кыпчаков и тыргоот – калмыков. Зарезал он из каждого вида скотин по девять голов и дополнительно на два тютюна по одной овце. Мяса высылось горою; напитки – кумыс, буза – лились рекой. Каждого аксакала одарил верхней одеждой, одних женщин – платками, другим выдал шелковой ткани для платья. Все гости были довольны и благодарны баю Жакыпу. Разошлись они, пожелав ему исполнения всех его желаний.

Остались в огромной юрте Жакыпа одни кыргызские аксакалы во главе с Акбалта. С огромным волнением поведал он про свой сон, рассказал про сны своих жен, голос мальчишки спозаранку, про шкуру тигра и про сорок чильтанов, которые с боевым кликом «Манас»! угнали Туучунак. Попросил он аксакалов, чтобы они помогли толковать сны и обнадежить его и народ возможным благодеянием Тенгри. Старики начали толкование. Каждый из них выразил свое мнение, опираясь на свои знания. Обсуждая между собой, аксакалы поручили Акбалте подытожить толкование и объявить общее мнение.

Акбалта, перед тем как начать толкование, погладил свою седую бороду, глубоко вздохнул и присел удобнее. С сияющими от радости глазами он начал свою речь:

– Народ мой! Тенгир покровительствует нам! Бай Жакып, ваши сны – вещие сны! Поймал сокола во сне – Тенгир дает тебе сына! Рождение дракона у твоей старшей жены – рождение правителя кыргызского народа и всей вселенной! Оседляет дракона, будто коня – увидит она почести всего мира! Сокол с пестрыми перьями на шее – покровительство Тенгира! Поймал двух ястребов – младшая жена родит двоих сыновей!

Акбалта возвел обе руки ладонями к небу. Все аксакалы, Бай Жакып, Чыйырды и Бакдоолет повторили действия Акбалты.

– О-о, Тенгир! – звонкий и высокий голос Акбалты вырывался из тюндюка юрты и проникал в просторы Вечного Синего Неба. – Претерпел унижение несчастный мой народ! Изгнан он по всему свету! Скитается он на всех твоих землях, без родины! Разрушен его Ордо! О-о, Тенгир! Покровительствуй исполнению нашего желания! Увидеть свою землю, объединить наш народ! Пусть исполнится наше толкование! Пусть сбудутся наши мечты! Благодеяние, о-о, Тенгир!

Все в один голос зашумели и поклонились Вечному Синему Небу!

Рождение Сына Тенгри

У народов калмыков и манжу тысяча хитростей и уловок. Не занимать им изворотливости и находчивости. Не зря овладели огромными землями, управляют множеством народов и племен.

У Алооке-хана служил гадалщик на лопатках бараньих костей Ран-Кудик. Сопровождал он Алооке-хана повсюду. Однажды он обратился к Алооке:

– Мой хан! Я увидел тайну на лопатках. Весть для нас очень плохая, но я не могу не говорить об этом.

– Говори! – приказал ему Алооке-хан и улыбнулся. От улыбки его узкие глаза совсем закрылись. Никакие плохие вести его не волновали. Что может быть хуже, чем стычки между племенами.

– У ссыльных кыргызов, – сказал Ран-Кудик, с беспокойством поглаживая свою длинную бороду, – родится чудовищный богатырь, который объединит всех кыргызов и устроит набеги не только на калмыцкий народ, но и на жунгарский. Разрушатся ваш трон и ваше достояние.

У Алооке округлились глаза. Ему приходили такие мысли. Всегда так было в истории. Рождаются богатыри и восстают против правителей. Таким ломали хребет, чтобы неповадно было для остальных. Но что говорит Ран-Кудик – пошатнутся мой трон и власть. Типун тебе на язык.

Алооке забеспокоился. Он поехал к предводителю калмыков и манжу Эсенкану. С собой взял своего гадалщика. У Эсенкана служил ясновидящий по имени Жангир, который мог рассказать про события в будущем на многие годы вперед.

Ран-Кудик и Жангир осмотрели лопатку со всех сторон. То снизу, то сверху, сбоку и под углом. И наконец, Жангир посмотрел на Эсенкана, ожидая удобного момента для сообщения.

Эсенкан кивнул ему головой, давая знать, что весь во внимании.

– У кыргызов, – сказал Жангир, – в юго-западных землях действительно родится богатырь. На свете не будет ему равных. Вознесет он кыргызов, будет мстить за своих предков. Для жунгаров, калмыков и манжу наступят тяжелые дни. Будет бедствовать наш народ. Но только невозможно определить, у кого именно он родится.

У Эсенкана подкосились ноги от страшного предсказания. Немедленно отправил вестника жунгарскому повелителю Карыкану с сообщением о предсказании ясновидящего. Карыкан с помощью своих гадалщиков подтвердил предсказание. И даже добавил, что родится богатырь по имени Манас.

Эсенкан отправил Алооке к кыргызам с множеством жайсанов-воинов с поручением распороть животы у всех беременных женщин.

Алооке собрал всех беременных, и его воины один за другим начали пороть животы женщин, вытаскивая плоды и бросая собакам. Женщины визжали, кричали в страшных муках и умирали в руках у родных. Земля наполнилась кровью и трупами молодых женщин. Тех, кто пытался отбить женщин, закололи копьями или зарубили мечами.

С ремнями на шее бай Жакып и Акбалта прибежали к Алооке, прося пощады.

– За какие провинности такое наказание, хан Алооке? – в один голос спросили они у Алооке хана.

– Спросите у Эсенкана, – сказал Алооке, бросая взгляд поверх их головы.

Конечно, ему было неприятно пороть животы безоружных женщин. Это не его занятие. Ему бы находится на поле настоящей битвы с врагом, на поле брани. Пусть бы родился Манас, ему бы лучше хребет сломал, чем пороть женское брюхо.

– Тогда мы съездим к Эсенкану! – сказали бай Жакып и Акбалта. Просили, умоляли Алооке-хана прекратить это безумие, пока они не придут от Эсенкана.

Видимо, такое занятие претило ему самому, ибо Алоокехан быстро распорядился прекратить бойню.

Бай Жакып и Акбалта с несколькими аксакалами нагрузили на тридцать верблюдов золота и серебра, шубы из тигровых и волчьих шкур, ценные шкуры редких животных и направились к Эсенкану.

Перед таким богатством Эсенкан не устоял – немного размягчился и стал ласковее. Пригласил Жангира и Ран-Кудика к себе еще раз и потребовал от них выяснить:

– Когда, у кого родится Манас?! Говорите.

– Родится богатырь, это точно, – сказал Ран-Кудик. – Но, когда и у кого родится угадать невозможно. Он появится на свет из утробы матери со сгустками крови в сжатых кулаках. На ладони правой руки будет надпись «Манас» с белой печатью.

Эсенкан задумался. Собрал своих знатных людей во главе с Алооке-ханом, из кыргызов был только Акбалта, и огласил свою волю.

– Отныне кыргызы заселяются отдельно по пять тютюнов с пятью юртами. На каждые пять юрт приставить по одному монаху-наблюдателю. Вести учет беременных женщин. Если женщина родит, осматривать ладони новорожденных. Если обнаружите надпись «Манас», привезите немедленно ко мне. Пороть животы женщин прекратить.

Воля правителя должна быть исполнена. Разделили аулы кыргызов по пять юрт. Завели учет беременных женщин. На каждые пять юрт приставили по одному монаху. Если рождался ребенок, собирались несколько монахов и осматривали ладони новорожденного, искали надпись с печатью.

Судьба бая Жакыпа сложилась не лучше, чем у его сородичей. Только одному монаху по имени Кочку повезло больше всех. Он был назначен наблюдателем за женами бая Жакыпа. В байских юртах всего было вдоволь – и еды, и кумыса. Кочку днем до вечера вольничал, как баловень судьбы. Вечером отправлялся домой с запасами еды и напитков. Однако у байских жен не было никаких признаков беременности.

– Эй, Кочку! – говорил монаху бай Жакып. – Мои жены еще не думают рожать. Ты что у меня ежедневно подсматриваешь?

– Не переживай, бай Жакып! Ты хорош, я хорош, – такими словами монах уезжал, прищипывая своего коня.

Через два года после того, как приснились вещие сны Жакыпу и обеим его женам, Чыйырды пожаловалась мужу, что не может принимать пищу, потому что постоянно тошнит, а временами хочется отведать блюда из сердца тигра. Безмолвная радость завладела всей душой Жакыпа. Вот почему изо дня в день Чыйырды становилась красивее, сверкают счастьем ее большие глаза, полнеет, становясь статной и притягательной, лицо будто пылает от внутренней силы, черные плетеные волосы без единой седины, будто чернеют еще сильнее. Жакып обнял жену.

– Чыйырды! Душа моя! – впервые за долгие годы жизни вырвались из груди Жакыпа ласковые слова. – Не дай никому узнать, что ты беременна. Обрати внимание на свой внешний вид. Одевайся так, чтобы живот был не заметен. Я поеду к Акбалта за советом.

На Туучунаке бай Жакып быстро прискакал в аул Акбалты. Тот принял его с радушием.

– Радостная весть, Акбалта! – Бай Жакып прослезился.

– У Чыйырды появился талгак на еду. У нее возникло желание – отведать блюдо из сердца тигра.

– О-о, Тенгир! Пришло благодеение, – обрадовался Акбалта и спросил: – какой срок?

– Откуда я знаю, – огорчился бай Жакып, поняв, что не спросил у Чыйырды.

– Не важно, – успокоил его Акбалта. – Обычно у беременных начинаются талгаки в третьем месяце.

– Что будем делать, Акбалта? – запричитал бай Жакып от растерянности. – Ты у меня единственный родственник в этих местах, хотя мы из разных родов. Ты моя единственная опора в жизни. Придумай что-нибудь.

– Хорошо, Жакып! – успокоил его Акбалта. – Займусь я добычей сердца тигра. А ты, Жакып, организуй откочевку Чыйырды в такие места, где не ступала человеческая нога. Пустя слух, что она поехала проведать родителей к енисейским кыргызам.

Лучше ничего не придумаешь, молодец этот Акбалта – если бы не его находчивость, не выжили бы кыргызы. Если кто-нибудь узнает, что Акбалта ищет сердце тигра из-за талгак женщины, то подозрение падет на его жену, и это отвлечет внимание от Чыйырды. Все будут думать, что богатырь родится у Акбалты. А Чыйырды будет далека от любопытных глаз, и никто не заметит, что она была беременной.

Видимо, Тенгир уже покровительствовал кыргызам – дошла весть до Акбалты, что Кангайский охотник по имени Кара пристрелил тигра, и, сняв шкуру, оставил тушу тигра в лесу. Акбалта поручил своему верному джигиту, табунщику Бадалбай, найти тушу тигра, вырезать сердце и привезти, что и было исполнено Бадалбаем безупречно. В лютую зиму ему пришлось изрядно попотеть, работая топором, чтобы добраться до сердца тигра.

Акбалта сам привез сердце в юрту Чыйырды. Она с радостью сварила его в медном казане, не показывая никому и не поделившись ни с кем – съела сердце полностью и напилась шурпы вдоволь. После того, как исполнилось ее желание, тело ее пришло в блаженное состояние. Талгак прекратился.

Бай Жакып увез Чыйырды в лесную чащу за долиной Салкындугу, где он когда-то нашел Туучунака с Мендибаем. Юрту с двухслойным войлоком погрузил на одного вола. Домашний скот с продуктами – на другого. Мендибая посадил сверху, чтобы он помогал Чыйырды в бытовых хлопотах.

Бай Жакып выбрал тот лес потому, что в глубине души надеялся на покровительство чилътанов, с которыми общался Мендибай.

Среди густого леса нашлось открытое место, где можно было поставить юрту. Спешившись с Туучунака, Жакып осторожно снял Чыйырды с коня – она всю дорогу сидела сзади него. Спешно поставив юрту, бай Жакып уехал, угоняя волов, чтобы добраться до аула пока не стемнело. Чыйырды и Мендибай остались одни в густом лесу, одни в местности, где лютуют хищные тигры, волки и прочие опасные животные.

Бай Жакып всю ночь не сомкнул глаз от переживаний, все думал о Чыйырды. Что с ней, что с Мендибаем; не загрызли ли хищные звери обоих; что скажет он народу, если случится беда. Что скажет он Бегимжан, матери Мендибая. «Зря ты, Акбалта, посоветовал мне спрятать Чыйырды среди логова хищных зверей. А я, дурак, своевременно не сообразил что к чему. Пленен был только мыслью, что необходимо отвести Чыйырды от плохих глаз».

Бай Жакып спозаранку помчался туда, где оставил Чыйырды. Всю дорогу перед глазами мелькали только человеческие останки, принадлежащие Чыйырды и Мендибаю. Отлегло на сердце только тогда, когда увидел Чыйырды и Мендибая. Они, веселые и радостные, живо разговаривали между собой вокруг огня в очаге юрты. Бай Жакып заплакал от радости. Не мог он удержать слезы. Ему хотелось зарыдать еще сильнее.

– Что с тобой, мой бай? – Чыйырды была удивлена при виде безудержных слез мужа.

– Да так, от радости, – Бай Жакып признался. – Со вчерашнего вечера переживал за вас. Какие только мысли не посетили меня.

– А зря, нас охраняли, – сказала Чыйырды.

Жакып понял, кто их охранял. Поднял взгляд к небу и взмолился: «О-о, Тенгир! Благодарю тебя! Береги Чыйырды, береги мое дите!».

Он не стал расспрашивать о подробностях прошедшей ночи. Это чилътаны, решил он.

Бай Жакып возвратился в аул в полной уверенности, что с Чыйырды и с Мендибаем ничего страшного не произойдет и что им никакие опасности не угрожают. Он стал приезжать каждые два дня с продуктами, едой и напитками.

Прошли весна и лето, наступила осень. Слухи о том, что Чыйырды поехала проводить родителей в енисейские земли, стали удивлять не только своих аулчан, но и монаха Кочку тоже.

– Уже полгода, бай Жакып, – спрашивал он у Жакыпа. – Неужели у вас можно годами гостевать у чужих людей?

– Почти тридцать с лишним лет она не видела своих родителей, – объяснил бай Жакып монаху Кочку. – Пусть развеется, как следует. Пусть отгонит от себя тридцатилетнюю тоску по родителям и родным краям.

Кочку удивленно покачал головой, но все же согласился с доводами бая Жакыпа...

Наступил долгожданный день. Появились первые признаки начала родовых схваток у Чыйырды. Бай Жакып привез Чыйырды в отдельно стоящую юрту старухи Акзыйнат, которая жила одиноко и была вне поля зрения калмыцких монахов. Юрту заранее подготовили по совету Акбалты. Роды Чыйырды должна принимать именно Акзыйнат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.